

© 1999 г. Г.И. БЕРЕСТНЕВ

ОБРАЗЫ МНОЖЕСТВЕННОСТИ И ОБРАЗ МНОЖЕСТВЕННОСТИ В РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ*

"Рассматривать язык не как средство общения, а как цель в самом себе, как орудие мыслей и чувств народа есть основа подлинного языкового исследования, от которого любое другое изучение языка, как бы основательно оно ни было, в сущности своей только уведит" [Гумбольдт 1985:377].

Наиболее яркой особенностью современной науки о языке является ее многоликость, протекающая, с одной стороны, из сложности, многомерности самого языка, а с другой стороны, из множественности точек зрения на него [Кубрякова 1994б:4]. При всем этом в ней отчетливо просматривается одно направление, которое, по-видимому, определит собой линию ее развития на ближайшие десятилетия. Речь идет о *когнитивном направлении*.

Три основные черты характеризуют когнитивизм в языкознании. П е р в а я связана с основным исходным допущением, на котором зиждутся все дальнейшие его построения: речь идет о том, что "языковая форма в конечном счете является отражением когнитивных структур, то есть структур человеческого сознания, мышления и познания" [Кирик 1994:126]. При этом язык видится не единственным манифестантом сознания: признается, что оно также выражает себя в различных явлениях культуры – в мифах, обрядах и ритуалах, в произведениях искусства, в научных концепциях и т.д. [Руденко 1992: 27]. Это обстоятельство отмечается как принципиально значимое. «Языковая деятельность, – пишет В.З. Демьянков, – рассматривается как один из модусов "когниции", составляющей вершину айсберга, в основании которой лежат когнитивные способности, не являющиеся чисто лингвистическими, но дающие предпосылки для последних» [Демьянков 1994: 22]. Однако именно язык занимает важнейшее место в ряду этих культурных феноменов, поскольку "языковые данные обеспечивают наиболее очевидный и естественный доступ к когнитивным процессам и когнитивным механизмам" [Кубрякова 1994а: 41; см. также: Вайстербер 1993: 116].

В т о р а я характерная черта когнитивизма в языкознании обнаруживает себя в своеобразии его объектов. Внешне это выражается в обращении языкознания к таким содержательным сущностям, которые ранее не входили в сферу его компетенции – к архетипам (в юнговском смысле), культурным концептам, концептуализированным областям и т.д. [Степанов 1991: 10]. Наибольший интерес представляет при этом базовый уровень языка – такой, на котором опыт человека претерпевает первоначальную категоризацию [Лакофф 1995: 167]¹. Отсюда протекают и внутренние,

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 98 – 06 – 80359.

¹ Ср. еще у Гумбольдта Российского: "Мы должны отыскать то средоточие, где язык и внешние проявления характера совпадают и откуда, как из единого источника, они направляются далее по своим различным путям. А таким источником явно может быть только сокровеннейшая глубина самого духа" [Гумбольдт 1984: 178].

сущностные черты своеобразия объектов, изучаемых когнитивным языкознанием. В частности, они более масштабны по сравнению с собственно языковыми квантами смысла. Шкала подобных "макроединиц" достаточно широка: начинается она полем значений отдельного слова, а заканчивается такими сверхсложными смысловыми конструкциями, как *концептуализированные области* [Степанов, Проскурин 1993: 14–17] и *картины мира* [Кубрякова 1991:7; Топоров 1992а: 161]. Кроме того, объекты когнитивной лингвистики имеют г л у б и н н ы й характер – они скрыты за непосредственной языковой данностью, прямо не наблюдаются. Новые объекты языкознания имеют также о б р а з н у ю природу, но эта образность особого рода: она инвариантна по отношению ко всем частным видам образов (зрительных, слуховых, тактильных, вкусовых, обонятельных, эмоциональных) и лежит в основе моторных актов, организации познавательных процессов и вообще всей психической и культурной деятельности человека [Лакофф 1991; Руткевич 1991: 14]. Новые объекты языкознания относительно структурированы: с точки зрения их внутренней природы они гомогенны, диффузны уже постольку, поскольку являются образами; структурированными же они предстают при рассмотрении их с точки зрения дискретных содержательных систем – языка и сознания. И, наконец, самое главное: новые объекты как целые т р а н с ц е н д е н т н ы языку и языковому сознанию. Большей своей частью принадлежат бессознательному, они не могут быть осмыслены рационально и как целые не могут быть обозначены языковыми средствами, поскольку не имеют собственных средств языкового выражения. Будучи реконструированными тем или иным способом, они либо описываются как совокупности признаков и характеристик, либо прямо представляются посредством моделей (естественных или искусственных), структурные и функциональные характеристики которых воссоздают сущностные стороны данного глобального образа².

Т р е т ь я характерная черта когнитивизма в языкознании обнаруживает себя в его целевых установках. Важнейшие из них – реконструкция базовых категорий языка и сознания и соответственно определение их структур [Лакофф 1995: 150].

Как же эти категории реконструируются в их структурном аспекте на основе языковых данных?³ Ближайший путь к этому открывают два фундаментальных всеобщих свойства языка. Первое – явление синонимии, определяемое в данном случае как *множественность средств выражения одного и того же содержания*. Второе – наличие у слова *внутренней формы*, которая, согласно А.А. Потебне, реализуется как способ выражения содержания [Потебня 1993: 124], или как способ номинации мыслимого объекта. Являясь указанием на некоторое уже известное представление, внутренняя форма слова раскрывает его отдельный признак, указывает на частную особенность представления о нем [Гумбольдт 1984: 103; Вайсгербер 1993: 102]. Полагаемые же во взаимную связь друг с другом, эти два свойства языка обнаруживают множественность "точек зрения" на конкретный ментальный объект, а по существу – множественность самих сторон этого объекта, как они видятся носителями данного языка.

Принципиально значимой оказывается здесь также возможная многоуровневая содержательная организация конкретной глубинной категории языка и сознания: некоторые из ее признаков могут иметь вариантный характер по отношению к еще более глубинному образному инварианту. Так, ещё А.А. Потебня заметил, что *ску-лость* носителями русского языка мыслится в ряде образов (камня, кости, пня, стянутости, сжатости), но все они восходят к единому представлению о твёрдости [Потебня 1993: 144; также Петлёва 1972]. Очевидно, что подобные инвариантные

² Как показали Ю.С. Степанов и С.Г. Проскурин, к числу таких моделей относятся, в частности, различные алфавитные системы, воссоздающие широкий комплекс представлений о действительности, характерных для той или иной культуры [Степанов, Проскурин 1993: 73 и далее].

³ Этот вопрос можно было бы сформулировать и иначе: как язык обнаруживает глубинные категории сознания?

представления ближе к базовым категориям языка и сознания, чем частные их репрезентанты.

В соответствии с этим, раскрывая обозначенную в заглавии работы тему, мы будем опираться на следующий ряд положений:

а) содержательные структуры языка являются формой проявления (или даже внешним способом существования) языкового сознания;

б) категориальные структуры языка и сознания суть особые глобальные образы (представления), а поэтому и их конституенты имеют образный характер;

в) установление всей совокупности образов, посредством которых *множественность* мыслится носителями русского языка, есть реконструкция в н е ш н е й (соотнесённой с языком) структуры категориального представления о множественности в русском языковом сознании;

г) конечная цель реконструкции представления о множественности в русском языковом сознании – установление и н в а р и а н т н ы х образов, с которыми она связывается, а также установление собственной структуры этих инвариантов.

В русском языковом сознании идея *множественности*, "умножения" ориентирована на следующие образы:

а) с и л а.

Русск. (арх.) *бодрой* 'обильный, богатый, хороший (об урожае)' при русск. *бодрый* 'дюжий, здоровый, сильный' [Даль I: 138]; *большой* 'значительный по количеству, многочисленный' и 'значительный по силе, интенсивности, глубине' – *большой мороз, большое удовольствие*, также при существительных, характеризующих качество человека, имеет усилительный смысл: "в высокой степени, чрезвычайный" – *большой добряк, большой нахал* [МАС I]; *порато, порать* 'много' и 'сильно, очень, весьма, крепко, больно' [Даль III: 310–311], *поратый* 'бойкий, сильный, дюжий, усердный, ражий' [Даль III: 311], сюда же: *порной, порный* 'здоровый, крепкий, сильный, дюжий', *поровой человек* 'не старый, а в поре, во всей силе, середовой' [Даль III: 310]; *раже, ражо* 'много, обильно' – *ражий* 'крепкий, плотный, здоровый, сильный' [Даль IV: 12]; *рамяный* 'обильный' и 'сильный' [Даль IV: 58] при родственном *рамо* 'мощь, сила, могучая рука, власть' [Даль IV: 121]; русск. (тамбовск.) *резко* 'много, обильно' [Даль IV: 201], а *резкий* может обозначать интенсивность – ср.: *резкая боль; сила* 'множество, несчётное число, тьма, пропасть' – *ныне сила хлеба, сила снегу пало* [Даль IV: 184] и *сила* 'force'; *толикий* 'столький, столь многих, великий, сильный' [Даль IV: 411].

В этом же ряду, по-видимому, стоят следующие менее очевидные примеры: слова *разводить, развести* 'заняться выращиванием чего-л., уходом за животными, растениями, добываясь их роста, размножения' [МАС III: 592] выражают идею "умножения", а признак силы у слов с корнем *вод-, вед-* выражается в таких сочетаниях, как *дерево ведёт* (*свело, повело*) 'коробит, корчит, рвёт' [Даль I: 233], *ногу свело* 'стянуло, сжало или согнуло, скорчило' [МАС IV: 44]; слова *хватить, хватать* 'быть достаточным для кого-, чего-л.' [МАС IV: 595] выражают идею достаточного множества, однако *хватить* (при управлении *на что*) выражают значение 'оказаться в силах, в состоянии сделать что-л.; поступить как-л.' – *на это меня хватит, не испугаюсь* (Гаршин. Происшествие) [МАС IV: 595].

Пример, затрагивающий родственные отношения, выходящие за пределы русского и вообще славянского ареала, – русск. *обилие* 'множество, избыток, изобилие', 'богатство, довольство' [Даль II: 584] из прасл. **obilь* из **obvilь*, откуда также ст.-слав. *извиликъ* 'изобилие', *възвѣтъ*, 'прибыль', которым родственно, в частности, лат. *vis* 'сила' [Фасмер III: 100–101].

б) б о л ь ш и е р а з м е р ы.

Русск. *большой* 'значительный по количеству, многочисленный', *больше* – сравнительная степень наречия *много* 'в большом количестве, в значительной степени, не мало' [МАС II: 289], где *большой* 'значительный по величине, размерам' [МАС I: 166], 'великий, обширный, значительных размеров; пространный, объемистый, длинный, долгий, высокий' [Даль I: 113]; *не от велика* 'несколько, немного, маловато' [Даль I: 176] с отрицанием и в определяемом, и в определении, а *великий, велий* – 'превышающий обычную меру, сравнительно с другими обширный, большой' [Даль I: 175]; *вяще* 'более по числу или количеству' из *вящий* 'большой, величайший, наибольший, высший по силе, величине, власти' [Даль I: 338], здесь же *вятка* (смор.) 'толпа, куча или вренца, ватага' [Даль I: 338]; диал. *галямо, голямо* 'очень много' [СРНГ 6: 124], *голомя, голумя, голюмя* 'много (о времени); долго, довольно долго' [СРНГ 6: 321–323], восходящие к прасл. **goleť*, который, как отмечают авторы ЭССЯ, представлял собой реликт и.-е. суперлатива 'очень большой, самый сильный' [ЭССЯ 6: 203]; диал. *громада* 'большое количество людей, толпа народа; сельская сходка, собрание жителей села, деревни, на котором разбираются общественные дела' [СРНГ 7: 149], непосредственно связанное с *громада* 'что-л. громадное по своим размерам; предмет, сооружение, масса очень больших размеров', *громадный* 'чрезвычайно большой по своим размерам, массе или объему, огромный' [МАС I: 349]; *добрый* (разг.) 'целый, полный, в полную меру (о количестве)' – *на вид ему было добрых пятьдесят пять* и 'большой, основательный, солидный' – *добрая краюха хлеба* [МАС I: 411]; *туча* 'огромное множество, пропасть, бездна (о подвижном, о толпе)' – *туча народу* [Даль IV: 445] и вместе с тем 'что-либо огромное, пухлое, тучное, громоздкое, объемистое и рыхлое, составное, сборное; куча' [Даль IV: 445]; *пышный* 'роскошный, обильный' и 'полный, вздутый или толстый, но притом легкий и рыхлый' [Даль III: 548].

Особого внимания заслуживает здесь также способность слова *большой* устойчиво функционировать как метаединица описания значения множественности, ср.: *много* 'в б о л ь ш о м количестве, в значительной степени, не мало' [МАС II: 280].

в) сила нечистая и сила благая.

Русск. *до чёрта* 'очень много' и 'до крайней степени, очень сильно' [МАС IV: 669], ср. такие славянские параллели, как укр. *достобіса*, польск. *do diabła (i trochę)*, чеш. *po čertech* и т.п. В народном мифопоэтическом сознании основным атрибутом черта, беса, дьявола вообще представлялась сила, ср.: *много в чёрте силы, да воли ему нет*. Более того, сами эти сущности мыслились как воплощения силы, имеющей деструктивный характер, что обозначилось в постоянном и широко распространенном именовании их словом "сила" с определениями "нечистая", "черная" и т.п. Так, у Даля находим: *чёрт* 'черная сила' [Даль IV: 597], *бес* 'вражья сила', 'нечистая сила', 'черная, неключимая сила' [Даль I: 517].

Понимание черта, беса, дьявола как *силы* получило и непосредственное выражение в языке. В частности, еще одно значение русского выражения *до черта* – 'до крайней степени, очень сильно' – *устал до чёрта, до чёрта надоело* [МАС IV: 669], а *чертовский* (разг.) 'необычайный по силе, по степени проявления' [МАС IV: 670]. Это же значение имеет наречие *чертовски* 'очень, в высшей степени' – *чертовски хорошо, чертовски обаятельный человек*, ср. словац. *čertovsky* с тем же значением, польск. *diabło – diabło ładna kobieta, jestem diabło głodny, diabelnie i diabelny – była diabelnie ładna, miał diabelnie zdolności*.

Подобной же способностью развивать значение множественности обладает противоположная нечистой – светлая, благая сила. Ее носителями и воплощениями являются различные ангельские существа (один из чинов ангельских прямо называется *Силы* [Аверинцев 1991: 362]). Однако высшим носителем и распорядителем благой силы представляется сам Бог, ср.: *Вознесись, Господи, силою Твоею: мы будем воспевать и прославлять Твое могущество* (Псалт. 20, 14); *Боже! Ты Бог мой, тебя*

от ранней зари ищущая; Тебя жаждет душа моя, но Тебе томится плоть моя в земле пустой, иссохшей и безводной, чтобы видеть силу Твою и славу Твою... (Псалт. 62, 2 – 3). Высшая степень проявления благой силы, собственно, и есть Бог, ср.: "...эти божественные мудрецы многоименно славословят его то как Благо, Прекрасное, Премудрое..., то как Святое святых, Бога богов, Господа господствующих..., то как Премудрость, Разум, Слово, С и л у ... [Дионисий Ареопагит 1991: 20]. В этом отношении показательны также эпитеты Бога в русской языковой традиции: *Всевышний*, *Всемогущий*, *Крепкий*, *Крепкий* [Даль II: 206]. Признак силы в структуре представления о Боге и объясняет развитие значения множественности у производных прасл. **bogъ*: рус. *богатый* 'обильный, изобильный, избыточный, многий' [Даль I: 102], бел. *багата* 'много, обильно, щедро', укр. *багато* 'много', сербско-хорв. *богат* 'многий, обильный', словен. *bogat* 'обильный', польск. *bogaty* 'богатый, изобилующий', чеш. *bohately* 'обильный (об урожае)', словацк. *bohately* 'обильный, пышный, густой'.

г) неупорядоченное движение.

Русск. *варь* (разг., тамб.) 'толпа, куча, тма, множество' [Даль I: 166], где *варьма*, *варьма* разг. 'кишмя' [Даль I: 166], *варить* 'кипятить, приводить на огне в кипение' [Даль I: 165]; *кишетъ* 'копышиться, гомозиться, возиться кучею, толпою, кипеть, шевелиться в мелких частях своих' [Даль II: 112]; *юро* (арх.) 'ятва, стая, косяк, руно рыбы; стадо или залежка тюленей, моржей, белух, морского зверя' [Даль IV: 668], *юрюк* 'купа, кипа, куча; пук, связка, беремя; стая, стадо, косяк' [Даль IV: 668], связанные с *юрить* 'метаться, суетиться, соваться во все концы; кишеть, заботливо или играя толпиться, суетиться, толкаться туда и сюда' [Даль IV: 668].

д) неупорядоченные массивы.

Русск. *воз* (перен. разг.) 'большое количество, множество чего-л.' [МАС I: 196]; *гора* множество, большое количество чего-л., сложенного в кучу, нагроможденного, сваленного кучей' [МАС I: 331]; *груд* 'куча, груда; большое количество, множество чего-л., собранное на ограниченном пространстве; беспорядочное скопление людей или животных' [Деулинск: 128], *груда* 'насыпанная гора, курган; масса, большое количество чего-л., множество' [СРНГ 7:158–159], *груда* 'большое количество каких-л. предметов, сложенных, нагроможденных один на другой; куча' [МАС I: 351]; др.-рус. *копнѣти* 'собирать (людей, войско)' [Срезневский I: 1281], диал. *копнѣся* 'увеличиваться в числе, количестве (о живых существах)', связанные с *копа* диал. 'большое количество, множество' и 'большая куча сена, снопов, хлеба, копна' [СРНГ 14: 28]; *купа* 'груда, куча, ворох, кипа; группа, сбор, собрание вещей, предметов в одно место' [Даль II:219], *купина* 'соединение нескольких предметов' [Даль II:219]; *куча* (разг.) 'большое количество, множество', но также 'большое количество чего-л., обычно сыпучего, мелкого, наваленное, насыпанное в одном месте' [МАС II:156]; *навалом* (прост.) 'о наличии чего-л. в большом количестве, в избытке' [МАС II:330], которое также имеет значение разг. 'беспорядочной кучей' [МАС II:330], *навалить* 'небрежно, беспорядочной кучей набросать' [МАС II:329], *навал* 'груда, куча чего-л.' [МАС II:329]; *пук* 'сноп, связка, горсть, охапка (о стеблях, прутьях и пр.)' [Даль III:537], *пучить* 'выпялить, вздывать, вздывать или горбить, коробить' [Даль III:537].

е) массы.

Русск. *густо* 'много' – у него *денег густо* [Даль I:409], где *густой* 'плотный, частый, крутой; нередкий, неожиданный, нетонкий' – *густой лес*, *густая шерсть*, *густой кисель* [Даль I:409]; *жир* 'богатство, достаток, избыток, роскошь' [Даль I:542], *жирно будет* 'слишком хорошо, слишком много' [МАС I:486], *жирная вода* 'высокая, разлившаяся, половецкая' [Даль I:543], где реализуется идея массы, от *жир* 'тук из животных, сало' [Даль I:542]; *толсто будет* 'много, жирно, затейливо' [Даль IV:414], при таких родственных словах, как: *толица* 'объем вещества, тело, масса, что измеряется по трем протяжениям: длины, ширины и высоты (или глубины)' [Даль IV:413], *толстый*

‘в чем есть толща, вещественный объем, глубина, выпина; телесный, вещественный’ [Даль IV: 413]; *тучный* ‘обильный’ – *тучные луга* “травные, обильные” [Даль IV:441], а исходное *тук* ‘жир, сало, вязь’ [Даль IV:441];

ж) локальное единство.

Русск. *витать* ‘водиться, плодиться где’ [Даль I:207], *витать* ‘обитать, пребывать где-либо, постоянно или временно’ [Даль I:207] с вариантным значением жизни, бытия, ср.: *витатися* (стар.) ‘здороваться, желая друг другу жизни и здоровья’ [Даль I: 207], которым родственно лит. *vieta* ‘место’ [Фасмер I:321]; *вместе* ‘общее, сообща, вкуче, совокупно, нераздельно, безраздельно, заодно с кем или с чем, союзно, совместно, разом’ [Даль I:215], *вместенный, вместный* ‘общий, нераздельный’ – у нас *хлеб вместный* [Даль I:215] из формы местн. пад. ед. ч. *въ мѣстѣ* или формы местн. пад. множ. числа *въ мѣстѣхъ* [Фасмер I:328]; *общать, общить* ‘приобщать, соединять, смешивать; считать вместе, заодно’ – не *обща одного дела к другому, разбирай порознь* [Даль II:634], *общаться, общиться* ‘приобщаться, соединяться, быть заодно’ [Даль II:634], *обще* ‘вместе, вкуче, в товариществе, заодно, согласно, соединенно’ – мы с ним *обще торгуем* [Даль II:634] из прасл. **obyto* “то, что вокруг” [Фасмер III: 110]; *собирать, собрать* ‘сосредоточить в одном месте (много, многих)’ [МАС IV:171]; *толпа* ‘скопище, сборище, сходбище, толкотня, множество сопешедших вместе людей’ [Даль IV:413], *толпить народ* ‘сгонять, теснить в кучу, в толпу’ [Даль IV: 413], прасл. **tylpa, *tylpa* родственны лит. *talpa* ‘емкость, объем’, латыш. *talpa* ‘помещение’ [Фасмер IV:74].

з) схватывание - удержание.

Русск. *берема* ‘охапка, сколько можно обнять руками; вязанка чего, в подъем человеку’ [Даль I:83], родственное словам *братъ* и *беру* [Фасмер I:155]; *объем* ‘охват, охапка, что можно обнести и охватить руками’ [Даль II: 607], но также ‘обым, обымка, объятие, объятие’ и ‘мера, размер, величина, пространство, обширность; окружность, пределы, обнимающие предмет’ [Даль II: 607]; *охаб(н)ка* ‘берема, объем, охват, что можно охватить руками, унести, обняв’ – дай *охаб(н)ку дровец* [Даль II: 630], где *охапнуть* (вологодск. воронежск.) ‘обнять руками’ [Даль II:630]; *уйма* (вост.) ‘множество, пропасть, без числа, обширное, огромное пространство, простор’ [Даль IV:480], где *уять* ‘поять, схватить’ [Даль IV:480]; *хватить, хватать* ‘быть достаточным для кого-, чего-л.’ [МАС IV:595], где выражается идея достаточного множества, и в то же время *хватать* ‘брать или цапать, ловить, внезапно, быстро задерживать’ [Даль IV: 480]; *ятва* (новг.) *ятво* (волог.) ‘стая, косяк рыбы, руно, юрово; густой ход рыбы’, также ‘обильный залов’, а родственные им *ятие, ятва* ‘бранье, взятие; ловля, ловитва, емя, иманье’ – *идти на ятву* “на ловлю” [Даль IV: 682; ср., однако: Фасмер IV: 567].

и) усилие при объединении элементов во множество.

Русск. *кукобить* ‘копить, запасать, наживать (богатство)’ [Даль II: 213; СРНГ 16:38] при русск. двал. *кукать* ‘бить, колотить кого-л.’ [СРНГ 16:33], ‘бить кулаком’ [Даль II: 213], *куковьяка, куковка* (вор., костр.) ‘палица, долбня, кий’ [Даль II: 213], но вместе с тем и *кука* ‘кулак, сжатая ладонь’ [Даль II:213], *кукишка* (тверск.) ‘коса, косичка, пучок волос на затылке у церковника, особ. свернутая комком’ [Даль II:213], *кукситься* (псковск., тверск.) ‘усаживаться, гнездиться, ежась’ [Даль II:213]; *собирать, собрать* ‘сосредоточить в одном месте (много, многих)’ [МАС IV: 171]; здесь же выражения типа *сколачивать состояние, сколотить немалую сумму*.

к) утрата имеющейся бытийности.

Русск. *гибель* ‘множество, бездна, тьма, пропасть, несчетное количество’ [Даль I: 350], ‘несметное множество’ [МАС I: 308] – ...*чай, наехало в Москву народу гибель; ведь теперь дело праздничное...* (Н. Полевой. Клятва при гробе Господнем), но также ‘пропажа, потеря, трата, утрата, уничтожение, разрушение, конец, смерть’ [Даль I:

349], 'полное разрушение, прекращение существования (при катастрофе, бедствии, намеренном уничтожении и т.п.)' [МАС I: 307]; *пропасть* 'несметно много, несчетное число, огромное количество' [Даль III: 501], непосредственно соотносящееся с *пропаль* 'что-либо погибшее, пропавшее, нагодное' [Даль III: 501] и *пропадать, пропасть* 'гибнуть, погибать, уничтожаться' [Даль III: 501].

л) о б н о в л е н н а я б ы т и й н о с т ь.

Русск. *доставать* 'ставать, стать, доспорить' [Даль I: 478], *достаточно, достаточно* 'довольно, не мало, сколько нужно, досыта' [Даль I: 479], восходящие к *стать* 'измениться, принять иные свойства, качества' [Даль IV: 309], выражающему идею "обновленного существования", становления, ср.: *стало темно, больному стало полегче*, при их непосредственном родстве словам *ставаться, стать* 'случиться, сделаться, сбыться, состояться, приключиться' – *беда сталась; не может стать* (т.е. не может быть); *не того бы хотелось, да так стало* [Даль IV: 309]; сюда же: *стадо* 'много однородных животных вместе, вкуче; толпа, куча, скоп. животных' [Даль IV: 314; ср. Фасмер III: 743], *стая* 'стадо зверей, птиц, иногда руно рыбы' [Даль IV: 319] и *стая* (яросл.) 'несколько изб кучкой, в одной связи, под одной крышей, с общими сенами и переходами' [Даль IV: 319, ср. Фасмер III: 749]; *прибавлять* 'на(до)бавить, придать, приложить, прикинуть, увеличить количество чего-либо' [Даль III: 398], восходящее к *быть* [Фасмер I: 101], и родственные ему *бавить* 'продолжать, длить, должить, увеличивать, прибавлять' [Даль I: 35], *бава* 'довольство, достаток, обилие' [Даль I: 35], также: *прибывать* 'умножаться, увеличиваться, усиливаться, вырастать, прибавляться' [Даль III: 400], *прибыль* 'рост, увеличение, умножение, приращение или прибавка' [Даль III: 400].

м) м е р а, н о р м а.

Совр. русск. *количество* 'категория, характеризующая предметы и явления внешнего мира со стороны величины, объема, числа, степени развития' [МАС IV: 73] – от цслав. *количество*, связанное с рус. *коли, коль* 'если, когда, буде' [Даль II: 137], выражающим идею бытийности, но вместе с тем *коль* 'сколь, сколько, колико' [Даль II: 137], *колико* 'сколь, сколько, сколь много' [Даль II: 137], *коликий* 'сколь великий, сколь многий' – *коликий вред приносит праздность!* [Даль II: 137], (еще более отчетлива идея меры в польск. *kilka* 'несколько (в пределах первого десятка)', белорусск. *какая* 'какой (по величине)'; *толикий* 'столький, столь многий, великий, сильный' [Даль IV: 411], *только* 'не более того' – *только стало на платье* "лишку нет" [Даль IV: 411], *тольный, толичный* 'лишь такой, лишь в том количестве, не более' [Даль IV: 411], связанные с *только, толь, тольма* 'столь, столько; до такой степени, до того' [Даль IV: 411] и *утолять* 'укрощать, успокаивать, усмирять, утишать, умерять' [Даль IV: 521], в семантических структурах которых также прослеживается инвариантный признак меры.

Вместе с тем идея "мерного множества" выражается посредством указания на избыток, остаток, на то, что лежит вне самой этой меры, ср.: *лихва* 'избыток, излишек', *лиховье, ликовина* 'лишки, излишек' [Даль II: 257], образованное от *лихой* 'молодецкий, хватский, бойкий, проворный, щегольской, удалой, ухарский, смелый и решительный', но вместе с тем и 'злой, злобный, мстительный, лукавый' [Даль II: 257], т.е. с инвариантным значением "выделяющийся по степени, силе проявления"⁴, и родственные этим словам *лиш, лишь* 'лишек, избыток', *лише* 'свыше, более, сверх'

⁴ Ср.: "При наличии конверсных отношений (типа *давать* – *брать*, *покупать* – *продавать*) реконструкция предполагает постулирование такой семантемы для архетипа формально соответствующих слов, в которой противоположные признаки (выступающие в одной из реальных форм в первом значении, в другой – во втором значении, ему противоположном) нейтрализуются (конверсные значения *давать* – *брать* можно возвести к термину для обобщенного обмена, включающего и акт давания, и акт взятия; ср. понятие нейтрализации в фонологии и морфологии) [Гамкрелидзе, Иванов 1984: xc – xci].

[Даль II: 260], *лишки* 'остаток, избыток; что-либо не нужное в дело' [Даль II: 260], *лишний* 'излишний, избыточный, избывающий', 'большой против нужного, должного; превосходящий данную меру, вес, число', 'остающийся без употребления в избытке; ненужный' [Даль II: 260].

н) удовлетворенная потребность, "до предела".

Русск. *вдоволь*, *вдовол* 'вволю, сколько хочешь, доvoli, довольно, досыта, вдовыть, достаточно, много, обильно' [Даль I: 173], *довол*, *довольно* 'достаточно, избыточно, немало, много' [Даль I: 448], *довольный* 'достаточный, обильный, изрядный', *доволина*, *доволенка* 'достаток, избыток, довол' — *он наделил сына с доволиной* [Даль I: 448], *вволю* 'вдоволь, довольно, сколько хочешь, достаточно, много, обильно, избыточно' [Даль I: 171], *воля* 'желание, стремление, хотенье, похоть, хоть, вожеление, вся нравственная половина человеческого духа' [Даль I: 238]; *вдосталь* (оренб.) 'достаточно, довольно, сколько нужно' [Даль I: 173], *досталь* 'остаток, остатки, последки' — *зима на достальях* [Даль I: 479]; *в досталь* 'вдосталь, совсем, вовсе, до конца, вконец, вкорень, водерень' [Даль I: 479]; *досыта* 'вволю, вдоволь, много' [Даль I: 481], *сытый* 'поевший вволю, утоливший голод свой, наевшийся, кого не позоывает на еду, кто не хочет есть' [Даль IV: 377], *сытой* 'вмеру обильный, полный. довольный' — *сытая вода* 'полная в корыте, самая высокая в берегах, без разлива или поёма' [Даль IV: 377], *сытеть* (волог.) 'прибывать, полнеть, не разливаясь еще за берега' (о воде) [Даль IV: 377].

Все эти образы, связываясь с единой идеей множественности, раскрывают совокупность сторон соответствующего категориального представления и таким путем описывают его. Очевидно при этом, что как целое данное бессознательном носителей русского языка. Тем не менее эта целостность, будучи реальной, сама заявляет о себе: обращение к одной структурной составляющей ведет к актуализации всего представления о множестве и, следовательно, к актуализации других элементов его структуры. Эти связи обнаруживаются как корреляции значений в семантических парадигмах приведенных слов или как отношения мотивации. Ср.:

а) корреляция значений множественности, больших размеров и силы.

Вяще 'более по числу или количеству' из *вящий* 'большой, величайший, наибольший, высший по силе, величине, власти' [Даль I: 338]; диал. *галямо*, *голямо* 'очень много' [СРНГ 6: 124], *голомя*, *голумя*, *голымя* 'много (о времени); долго, довольно долго' [СРНГ 6: 321–323], восходящие к прасл. **goleť*, со значением 'очень большой, самый сильный' [ЭССЯ 6: 203];

б) корреляция значений множественности и больших размеров.

Бава 'довольство, достаток, обилие' [Даль I: 35], *прибавлять* 'на(до)бавить, при- дать, приложить, прикинуть, увеличить количество чего-либо' [Даль III: 398], *прибавляться* также 'увеличиваться, расти' [Даль III: 398];

в) корреляция значений множественности, и больших размеров и схватывания.

Уйма 'луга', 'дремучий, огромный лес', где актуален признак больших (пространственных) размеров [Даль IV: 480], образованное от *уять* 'пойть, схватить' [Даль IV: 480];

г) множественность, большие размеры, сила и бытийность.

Прибывать 'умножаться, увеличиваться, усиливаться, нарастать, прибавляться' [Даль III: 400] от *бывать*, *быть* 'существовать, обретаться, находиться где, присутствовать' [Даль I: 147].

Заметной чертой структурных компонентов категориального представления о множестве выступает их "неравноценность" в составе целого. Одни из этих компо-

нентов имеют больший вероятностный вес (более частотны) и связаны между собой более прочными системными связями, что на поверхностно-языковом уровне обнаруживается в наличии достаточно устойчивых (возможно, универсальных) корреляций между элементами семантических парадигм соответствующих слов. Другие – менее частотны, их системные связи имеют менее определенный характер и сами они, по-видимому, уникальны для русского языкового сознания. Так, с особой отчетливостью проступают связи между образами *силы*, *больших размеров* и *неупорядоченных массивов*, что уже само по себе говорит об их особой значимости в структуре целого. Гораздо менее отчетливы эти связи в отношении образов *меры*, *нормы* и *удовлетворенной потребности*.

Отмеченные особенности структурных компонентов категориального представления о множественности значимы и еще в одном отношении. Они показывают, что *сами эти компоненты обладают неравной способностью к репрезентации смысла множественности на уровне языка и языкового сознания*. Достаточно очевидно, что лучше всего его передают образы больших размеров, неупорядоченных массивов и силы, а менее определенно он мыслится в связи с образами меры, нормы и удовлетворенной потребности.

Эта картина обретает дополнительную ясность при воссоздании ее на более высоких уровнях обобщения. Первый из этих уровней характеризуется возможным сведением конкретных признаков категориального представления о множественности к их инвариантам. Вся совокупность его структурных характеристик описывается в этом случае следующими образными мотивами:

1. сила (вариантными являются образы *силы*, а также *силы нечистой* и *силы благой*);
2. большие размеры;
3. неупорядоченность, диффузность (вариантными являются образы *неупорядоченного движения*, *неупорядоченных массивов* и *массы*);
4. локальность;
5. объединяющее и удерживающее усилие (вариантными являются образы *схватывания–удержания* и *объединяющего усилия*);
6. отмеченная экзистенциальность (вариантными являются образы *утраты имеющейся бытийности* и *обновленной бытийности*);
7. мера: объективная – “норма” и субъективная – “удовлетворенная потребность”.

В этом случае *множество* в русском языковом сознании предстает как *нечто*, обладающее признаком силы, большое по размерам, неупорядоченное и неопределенное в своих составляющих; это нечто требует внешних усилий, для того чтобы стать реальностью; при этом оно перестает быть тем, чем оно было ранее, и обретает статус новой реальности; это нечто локально привязано, организуясь относительно определенного места; оно, наконец, мыслится как объективная или субъективная мера чего-либо.

Еще более строгий вид обретает структурная организация глубинного категориального представления о множественности при описании его в терминах следующего уровня обобщения. В этом случае все образные репрезентанты множества сводятся к четырем классам:

- I. Факторы внутренние: сила, большие размеры, внутренняя неупорядоченность;
- II. Факторы внешние: объединяющее и удерживающее усилие;
- III. Характеристики экзистенциальные: бытийность, локальность;
- IV. Характеристики функциональные (роль представления о множестве в картине действительности): субъективная или объективная мера чего-либо.

С этой точки зрения множество – это *нечто*, возникающее под воздействием определенных внутренних факторов (сила, большие размеры, неупорядоченность) или же факторов внешних (объединяющее и удерживающее усилие), характеризующееся бытийностью и локальностью и занимающее конкретное место в картине мира носителей русского языка.

Попытаемся определить ранг каждого из этих образных классов (будем помнить, что все они включают в себя частные образные репрезентанты). *Функциональные характеристики* явно имеют вторичный характер по отношению к самому представлению о множественности, поскольку *идея множества как меры может возникнуть лишь после того, как сформировалось само представление о нем*. Не будучи связанными со знаниями о происхождении множества, образные признаки меры, нормы и удовлетворенной потребности не раскрывают собой и существа его самого. В терминах *п о л я* это отношение может быть охарактеризовано так: образы меры, нормы и удовлетворенной потребности составляют самую дальнюю периферию глубинного категориального представления о множественности.

Экзистенциальные характеристики (бытийность, локальность) также не раскрывают существа множества, хотя уже и ориентированы на него. Они составляют собой, с одной стороны, простое резюмирование его бытия, а с другой – указание на условие, при котором это бытие осуществляется. Вследствие этого образы бытийности и локальности должны быть отнесены к внутреннему уровню дальней периферии категориального представления о множественности.

Внешние и внутренние факты, образующие множество, на первый взгляд противопоставлены друг другу как равноценные. На самом деле это не совсем так. Под воздействием *внешнего фактора* во множество объединяются некие разрозненные, самостоятельные единицы, которые лишь после этого начинают мыслиться как целое. Принципиально значимой оказывается здесь процессуальная сторона явления, свидетельствующая о *языковой оформленности мысли* о таком множестве (соответствующие слова по преимуществу являются глаголами). И – отметим это особо – для образования такого множества оказываются необходимыми специальные внешние усилия.

Под воздействием же *внутренних факторов* множество “рождает себя само” в недрах целого, оставаясь при этом целым. Мысль о нем (т.е. его образ) находится в этом случае за пределами языка: она безразлична к категориально-грамматическому оформлению, одинаково легко входя в любые частеречные рамки. Наконец, множеству, возникшему под воздействием внутренних факторов, присущ собственный внутренний импульс силы, величина которого соразмерна самому множеству (чуть ниже мы рассмотрим этот момент более подробно).

Все это достаточно ясно говорит о том, что *внешние факторы* (образцы объединяющего и удерживающего усилия) составляют собой ближнюю к ядру периферию категориального представления о множественности, а *внутренние факторы* (сила, большие размеры, внутренняя диффузность, неупорядоченность) составляют его ядро.

Дальнейший анализ отношений между ядерными образными репрезентантами множества (образцами силы, больших размеров, внутренней неупорядоченности, диффузности) позволяет установить *первичные элементы* в структуре категориального представления о множестве, относящиеся, как кажется, к *б а з о в о м у* уровню сознания.

Прежде всего об образном признаке *неупорядоченности, диффузности*. Он связан с представлением о размерной неопределенности множества и обусловлен им. В самом деле, множество – это лишь *н е к о т о р а я* совокупность, величина которой строго не определена, поскольку не является значимой в принципе. Такой *без-размерностью* множества предопределяется его континуальность – текучесть, размытость границ между его элементами и, вследствие этого, его собственная внутренняя динамика.

Мысль о множестве в этом его аспекте – это постоянное, безостановочное блуждание между "более чем единицей" и "бесконечностью".

В данном отношении множеству противопоставляется *натуральное число*, которое, прежде всего, строго определено в своей величине. Определенность эта выражается также в дискретности элементов числа, отграниченности их друг от друга – т.е. в статусе *единицы* каждого из них. Уже число *два* рождается как соединение двух единиц. Ср. у Плотина: "Двоица занимает уже второе место, так как происходит и получает определенность от одного, сама же по себе без него не может иметь ни бытия, ни определенности" [Плотин 1994: 16]. Этот принцип лежит в основе "рождения" любого натурального числа: конкретные его составляющие – это единицы, которые входят в его состав, воссоздают его собой, имея, таким образом, определяющий характер [Плотин 1994: 16].

Представления об определенности числа в целом и в частных его составляющих обозначились также в культурной практике. Чтобы число "состоялось", т.е. обрело свою конкретность, каждый его элемент должен быть каким-то образом *от-мечен* и *по-мечен*. Отсюда *смета* 'примерный расчет, расценка, роспись вещам, припасам, доставке, ценам, работам на какое-либо дело, особ. на постройки' [Даль IV: 242], выражающее идею подсчета, образованное от *сметать, сметить* 'пере-(на-, по-)метить, класть метки' [Даль IV: 242] и *метить* 'помечать, класть метку, метки, знак' [Даль II: 371]; также *считать, счесть* 'определить число, количество чего' [Даль IV: 281], *честь* 'считать' [Даль IV: 599], которые находятся в отношении родства со словами *отчет* 'показание счетом расхода и прихода денег или припасов за известный срок' [Даль III: 759] и далее *отчетливый* 'такой, каждый элемент которого хорошо различается, четкий' [МАС II: 722] и *четкий* 'ясный, разборчивый' [Даль IV: 599]. Само слово *число* (согласно Фасмеру, из прасл. **čit-slo* [Фасмер IV: 368]) родственно последним примерам.

Именно указанные свойства числа – *о-пределенность*, целостность и "единичность" его составляющих – делают его семантически, т.е. наделяют способностью к моделированию различных отношений между конкретными мыслимыми объектами, которые в этом случае *занимают позиции его элементов*. Так, *один* воссоздает представление о целостности, единстве⁵; *два* делает умопостигаемым на образном уровне взаимное дополнение и вместе с тем противопоставленность; *три* моделирует отношение равностороннего гармоничного взаимодействия и т.д. [Топоров 1992б: 630; Топоров 1980: 22–23]. Эту семантическую чисел К.Г. Юнг находил весьма важной. "Простые числа, которыми мы пользуемся при счете, – писал он, – значат больше, чем мы думаем. Одновременно они являют собой мифологический элемент..." [Юнг 1991: 42]. В.В. Налимов и Ж.А. Дрогалина занимают во взгляде на моделирующую функцию чисел еще более строгую позицию, прямо указывая, что "число само по себе является изначальным знаком – архетипом нашего бессознательного" [Налимов, Дрогалина 1995: 224].

Все это позволяет нам сделать следующий вывод: *множество* как нечто континуальное, неопределенное в своей размерности тем не менее содержит внутри себя предпосылки структурной организации – предпосылки *числа*. Еще не являясь числом, множество этой своей особенностью ориентируется на него, внутренне готовясь стать им. В свою очередь *числа* могут рассматриваться как множества, имеющие о п р е д е л е н н у ю размерность и дискретные в своих составляющих. Выразительная и принципиально значимая, эта взаимная связь *числа* и *множества*, рассматриваемого с точки зрения его континуальности, может быть изображена посредством следующей формулы:

⁵ По всей видимости, именно эта семантика единицы была исходной. Отмечено, что в архаичных текстах *один* "означает, как правило, не столько первый элемент ряда в современном смысле, сколько целостность, единство" [Топоров 1992б: 630].

где $Pl(Extens)$ – множество в аспекте его протяженности, $Numb$ – число, а знак $\Leftrightarrow$ обозначает взаимную их связь.

При всем этом протяженность множества непосредственно связана и с другим ядерным фактором – *величиной*. Уже неупорядоченные массивы, в связи с которыми мыслится множество, – это всегда нечто более или менее значительное по своим размерам, ср.: *воз, куча, груда, гора (чего-либо)*. Вместе с тем большие размеры – это вполне независимый фактор, связываемый с самим образованием множества. Увеличение, рост видится первейшим реальным шагом к этому или по крайней мере необходимой предпосылкой. Так, Плотин, специально отмечая это обстоятельство, писал о своем трактате "О Числах" следующее: "[Да], именно, – всякое [явление становится] множественным, когда, бессильное оставаться в себе, разливается и растягивается в своем рассеянии; совершенно лишаясь при этом в [своем] растекании единого, [единства], оно становится таким множеством, в то время как [ибо] одна часть [уже] не единится с другой частью" [цит. по: Налимов, Дрогалина 1995: 46].

Эти замечания позволяют нам внести поправку в исходную формулу, изображающую глубинную структуру представления о множестве. Протяженность множества мы отобразим в сочетании с его большими размерами:

$$Pl(Large \& Extens) \Leftrightarrow Numb,$$

где $Large$ – "большой", а $\&$ – знак условного сочетания, единства факторов $Large$ и $Extens$ ⁶.

Какое же место занимает в этой картине *сила* и какие дополнительные детали присутствуют в ней? Ответ на эти вопросы способен дать дальнейший анализ фактора больших размеров. Он связывается нами с идеей существования функций *Magn*. Высказанная более четверти века назад, эта идея оказалась чрезвычайно плодотворной для современной когнитивной лингвистики, поскольку ввела в поле зрения исследователей особые "виртуальные" смыслы, которые обнаруживают себя в о т н о ш е н и я х между лексическими значениями и которые позволяют воссоздать еще более глубинные, спонтанно возникающие содержательные сущности [Мельчук 1974: 78].

Вслед за Мельчуком мы будем считать функцией *Magn* постоянную зависимость между словами, описываемую равенством отношений $fX_1 : X_1 = fX_2 : X_2 = \dots = fX_n : X_n$ [Мельчук 1974: 78]. Сам он настаивает на том, что лексические функции вообще – это лишь показатели особых отношений, не имеющие собственного содержательного наполнения. «Позволяя себе говорить о ЛФ (лексических функциях, – Г.Б.) как о "смыслах", – пишет он, – мы существенно упрощаем изложение; необходимо только все время помнить об условности подобного словоупотребления» [Мельчук 1974: 79]. Однако в то же время он утверждает и смысловой характер лексических функций, говоря, что между функционально связанными словами "всегда имеет место одно и то же смысловое отношение" [Мельчук 1974: 78], а функция *Magn* прямо определяется им как «отвечающая смыслу "очень"» [Мельчук 1974: 78].

Конкретный фактический материал все-таки заставляет нас считать функцию *Magn* наполненной смыслом. Основанием для этого является то обстоятельство, что подобные функциональные отношения реально возникают прежде всего между словами, принадлежащими к одной части речи. Уже вследствие этого конкретные случаи такой функциональности оказываются *содержательными*, и эту содержательность задает именно категориально-грамматическая принадлежность соответствующих лек-

⁶ Необходимо четко осознавать, что на этом уровне представления знаний факторы протяженности и больших размеров существуют в нерасторжимом единстве друг с другом – как целостное, единое содержательное образование "*протяженный-большой*". Их раздельная репрезентация – лишь эффект, возникающий на уровне языкового сознания. Таким образом, – подчеркнем это еще раз – представление их как сочетания имеет у с л о в н ы й характер.

сических единиц. Еще одна деталь: функциональные отношения между такими парами слов, как *бежать* и *идти*, *горячий* и *теплый*, *весьма* и *чрезвычайно*, *неприятно* и *ненависть* имеют одну природу, но отнюдь не тождественны друг другу в категориально-семантическом отношении. Это говорит о том, что они лежат еще на уровне категориально-грамматических смыслов и, таким образом, имеют языковой характер. Тем не менее все они сводимы к единому содержательному же функциональному инварианту *Magn*, лежащему за пределами категориально-языковых рамок и, следовательно, находящемуся уже вне языка и принадлежащему глубинным уровням сознания.

В свете этой идея образ больших размеров обнаруживает свой функциональный характер: "большой А" – это всегда лишь больший относительно некоторого условного В, принятого в качестве эталона. И величина этого А задается функциональным признаком *Magn*, который является ее собственным глубинным фактором. Это отношение может быть обозначено следующей формулой:

$$Magn \rightarrow Large \& Extens),$$

где символ $\rightarrow$ означает обуславливающий характер функции *Magn*.

Отмеченная функциональность представления о больших размерах весьма своеобразно проявляет себя в отношении представления о множестве. Множество как нечто большое вырастает из себя самого (ср. в приведенной цитате из Плотина: "Всякое [явление становится] множественным, когда, бессильное оставаться в себе, разливается и растягивается в своем рассеянии..."). Эту же мысль провозглашал Прокл: "Существует единое-в-себе, и всякое множество происходит от единого-в-себе" [Прокл 1993: 113]. Таким образом, эталоном при мысли о множестве является оно само в своем исходном, "сжатом" состоянии – явно не заданное, условное, но тем не менее предполагающееся. Иными словами, множество оказывается отмеченным функцией *Magn* по отношению к собственному исходному состоянию – $(A/A) Magn$, а в глубинной структуре представления о множестве отмечаются два объектных элемента А и функция *Magn*. В целом это представление обретает следующий вид:

$$PI((A/A) Magn \rightarrow (Large \& Extens)) \Leftrightarrow Numb,$$

где А – знак объектного образа множества в его исходном состоянии, а $(A/A) Magn$ – множество как функциональное *Magn* – отношение А к самому себе.

Именно глубинный функциональный признак (или смысловой элемент) *Magn*, отбрасывая рефлекс на различные уровни языковой системы, проявляет себя в категориальных или лексических значениях. Реализуясь в своих частных категориально-грамматических вариантах, он еще является невыраженным. Однако уже на уровне категориально-грамматической семантики он обретает плоть в таких наречиях степени, которые указывают на интенсивность протекания процесса или проявления признака (*дюже, зело, очень, порато, порать, сильно, страшно, чертовски* и т.п.). Характерно при этом, что отношение наречного сочетания к соответствующему прилагательному или глаголу все еще сохраняет функциональный характер и определяется функцией *Magn*, ср.: *очень яркий* = *яркий Magn* / *яркий, страшно горячий* = *горячий Magn* / *горячий, сильно торопиться* = *торопиться Magn* / *торопиться, очень любить* = *любить Mang* / *любить* и т.п. И окончательную определенность и независимость глубинный функциональный признак *Magn* обретает в семантике слов, которые так или иначе связаны с представлением о силе, например: *большой* 'значительный по силе, интенсивности, глубине' [МАС I: 107] – *большое удовольствие, большое чувство*; *воля* 'власть или сила, нравственная мощь, право, могущество' [Даль I: 238]; *глубокий* 'очень сильный, достигший значительной степени (о чувстве, состоянии и т.п.)' [МАС I: 317] – *глубокое отчаяние, глубокое разочарование*; *резкий* 'действующий, проявляющийся с большой силой, остротой' [МАС III: 699] – *резкий свет, резкая боль* и т.п.

Такая структурная организация ядра представления о множестве – наличие в его составе объектного элемента, функционального признака *Magn* (осмысляемого на понятийно-языковом уровне как значение силы) и образа больших размеров – определяет собой как само осмысление множества, так и функционирование слов с этим значением в языке.

Прежде всего, множества могут мыслиться как самостоятельные объекты – в теории множеств они и представлены практически как таковые⁷. В частности, Гёдель, занимая крайнюю позицию во взгляде на онтологический статус множеств, полагал, что "допущение таких объектов [классов и общих понятий] столь же законно, как и допущение физических тел, и имеются столь же веские основания верить в их существование" [цит. по: Френкель, Бар-Хиллел 1966: 414].

Кроме того, смыслы, отражающие ядерные конститuentы представления о множестве, активно взаимодействуют друг с другом в сознании носителей языка, зачастую связываясь в нерасторжимое целое. Это взаимодействие было отмечено В.Н. Топоровым при анализе и.-е. корня **jeu-* и его семантических производных. "Исходным и основным смыслом глагола, восходящего к и.-е. **jeu-*, – пишет он, – была идея умножения, количественного возрастания, усиления (т.е. то, что непосредственно выражено в обозначении жизненной силы, вечной молодости". "Но само смешение (или, точнее, связывание), – подчеркивает В.Н. Топоров далее, – представляет собой такое умножение состава целого, при котором оно укрепляется, усиливается, увеличивается" [Топоров 1989: 49].

Взаимодействие смыслов множественности, силы и больших размеров проявляется также в особой содержательной диффузности слов с соответствующими значениями и в особенностях их системных связей. Ср.: *Ибо от многой мудрости много скорби и умножающий знание умножает печаль* (Екклесиаст I: 18), где слово, выражающее значение множественности, обозначает интенсивность чувства и масштабность, значительность знания. Или: *В Полтавской баталии перед светлыми очами царскими князь [Тростянский] многою храбрость оказал* (Мельников-Печерский. Старые годы), где смысл интенсивности может быть выражен метафорически прежде всего посредством того или иного слова со значением больших размеров.

Наконец, глубинная связь смыслов множественности, больших размеров и силы обнаруживает себя в семантических структурах слов – как необходимо коррелирующие значения. Примеров, иллюстрирующих это отношение, чрезвычайно много; мы рассмотрим лишь один – семантическую структуру старославянского слова *вельми*. Наиболее частотным и исторически более ранним его значением было 'сильно, крепко'. Почти столь же значимым, а иногда и выходящим на передний план был смысл 'большие размеры'. Это слово, наконец, могло выражать и значение множественности [Ефимова 1989: 116–117].

Можно попытаться ответить на последний вопрос, касающийся глубинной природы функционального отношения *Magn* и, следовательно, базовой сущности самого представления о множестве (или хотя бы наметить вектор его решения). *Какая же сила заставляет человеческое сознание соотносить объективные образы "единого-в-себе" и его же самого в иной ипостаси – как множества?*

⁷ Осознавая нерешенность проблемы онтологического статуса множеств, мы придерживаемся во взгляде на нее позиции *концептуализма*, чему нас обязывает уже сам объект нашего исследования – глубинные ментальные репрезентации [Френкель, Бар-Хиллел 1966: 398]. Для этого, как нам кажется, есть и несколько дополнительных оснований. Прежде всего, сама символизация множеств и возможность совершать операции с ними предполагает, что они мыслятся как некие сущности. Более того, мы могли бы сказать, что множество является ментальным объектом уже постольку, поскольку оно мыслится ("идея суть объекты", – отмечают Лакофф и Джонсон, ссылаясь на М. Редди [Лакофф, Джонсон 1990: 393]). Наконец, рассматривая множества как самостоятельные объекты позволяют нам конкретные языковые факты: выражение "котов больше, чем собак" может быть понято лишь в том случае, если соответствующие множества мыслятся как независимые от "котовости" и "собаковости" объекты и поэтому допускают сравнение.

Думается, что ответ на этот вопрос способен дать обращение к принципу с и м м е т р и и - а с и м м е т р и и⁸. Являясь "раздвоением целого" и вместе с тем соединением чрезвычайно далеких друг от друга, разрозненных элементов, симметрия и асимметрия выступают основными организующими началами бытия. Еще Плотин специально отмечал принцип симметрично-асимметричных отношений как один из основополагающих. "Первыми, наивысшими родами сущего, – писал он, – должны быть признаны следующие – бытие (ум, или мышление), тождество и знаковость (или различие)" [Плотин 1994: 15].

Наиболее фундаментальный в мироздании, этот принцип подчиняет себе абсолютно все его стороны. Он обнаруживает себя в проявлении разных законов и в теориях, которые их описывают; в строении макромира и мира элементарных частиц; в структуре физического пространства и магнитных полей; в распаде элементарных частиц и в делении живой клетки; в строении солнечных систем и в строении атома; в геометрической конфигурации кристаллов, молекул, клеток и в физиологическом строении всех живых организмов; в константах эстетического восприятия (в частности, в пропорции "золотого сечения") и в самом алгоритме их исчисления; в цикличности времени и в воспроизводимости особей одного и того же вида; в рабочих привычках пчел в улье и в организации материала художественного произведения (музыкального, живописного, архитектурного и т.д.) [Вейль 1968]. Этот же принцип лежит в основе устройства центральной нервной системы человека: общая физиологическая симметрия двух полушарий головного мозга сочетается с их функциональной асимметрией [Иванов 1978: 21]. Этот принцип проявляет себя и как архетипическая основа культурной деятельности человека. В частности, он прослеживается уже в самом древнем разделении племени на две половины [Иванов 1978: 86–87]. Он также воплощается в близнечных мифах: находясь между собой в отношении подобия, симметрии, близнецы в то же время оказываются противопоставленными друг другу по тем или иным признакам – по характеру культурной деятельности (направленной во благо или во вред), по полу, по связи с разными частями племени и т.д. [Иванов 1991: 174]. Этот принцип, наконец, прямо выражается в философских концепциях и моделях – таких, например, как первоначала мироздания *инь* и *ян* в древнекитайской традиции, числа *единица* и *двойка* у пифагорейцев и вообще у древнегреческих философов⁹, закон единства и борьбы противоположностей в диалектике, вообще дуализм в философии и религии.

В свете этого само собой напрашивается предположение, что принципу единства симметрии и асимметрии подчинена и организация сознания человека на его базовом уровне, т.е. характер представленности в нем ментальных объектов. Речь здесь, по-видимому, должна идти о рефлексивности сознания¹⁰. Внутреннее отношение симмет-

⁸ В данном случае мы понимаем симметрию как инвариантность глубинного представления относительно определенных преобразований в нем. Ср.: "В самом широком смысле слова симметрия подразумевает наличие в объектах и явлениях неизменного, инвариантного по отношению к некоторым преобразованиям" [Желудев 1983: 3].

⁹ "Так, понятие единства, тождества, равенства, причину единодушия, единочувствия, всецелости, то, из-за чего все вещи остаются самими собой, пифагорейцы называют Единицей: Единица эта присутствует во всем, что состоит из частей, она соединяет эти части и сообщает им единодушие, ибо причастна к первопричине. А понятие различия, неравенства, всего, что делимо, изменчиво и бывает то одним, то другим, они называют Двоицей" [Порфирий 1979: 458]. "И нельзя сказать, – добавляет Порфирий, – что эти понятия у пифагорейцев были, а у остальных философов отсутствовали, – мы видим, что и другие признают существование сил объединяющей и разъединяющей целое..." [Порфирий 1979: 459].

¹⁰ Попытки моделирования этой рефлексивности можно усмотреть в создании *палиндромов*: симметрично организованные в них стихи или фразы рождают непосредственное переживание отраженности мысленного образа в самом себе. Ср. у В. Хлебникова: "Коня, топот, инок. // Но не речь, а черен он" (Перевертевь). Этот принцип, по всей видимости, лежит в основе самосознания человека, также возникающего как результат рефлексии. Поразительно точно об этом сказал С. Кьеркегор: "Человек есть дух. Но что же такое дух? Это Я. Но тогда – что же такое Я? Я – это отношение, относящее себя к самому себе..." [Кьеркегор 1990: 367]. Мысль о симметричности, двойственности человеческого самосознания также является одной из самых важных в творчестве А. Платонова [Дмитровская 1995: 43–44].

рии позволяет такому сознанию мыслить конкретный объект как тождество самому себе и, следовательно, как самостоятельную, конкретную сущность. Вместе с тем отношение асимметрии открывает в нем элементы отличия и заставляет рассматривать его уже как нечто иное.

Это пока что гипотеза. Однако уже здесь очевидно, что фактор асимметрии на базовом уровне также должен иметь глубинный, базовый характер. В картине симметрично-асимметричных отношений образа множественности *A* к самому себе как исходной единице фактором асимметрии оказывается функциональный признак *Magn*. Формула глубинной структуры представления о множестве обретает вид

$$PI ((asim. A / A) Magn \rightarrow (Large \& Extens)) \Leftrightarrow Numb.$$

За этой формулой стоит следующее содержание: ядро представления о множестве (т.е. его сущность) определяется на базовом уровне сознания асимметричным отношением образа некоторой объектной единицы *A* к самому себе, и фактором асимметрии является в этом случае функциональный образный признак *Magn*; на поверхностном, понятийно-языковом уровне эти отношения описываются корреляцией значения множества со значениями силы и больших размеров. Поскольку представление о числе само по себе имеет базовый, архетипический характер, дополнительной особенностью представления о множестве на всех его уровнях является соотношенность его с числом.

В заключение отметим возможные дополнительные обстоятельства, с которыми сопряжены исследования подобного рода и новые "выходы", которые ими открываются. Прежде всего подчеркнем, что они позволяют проследить структуру конкретного представления на разных уровнях его реализации – от непосредственно "подязыкового" до базового уровня функциональных отношений. Картина, которая здесь вырисовывается всякий раз, имеет прямое отношение к "наивной" картине мира, воспроизводящейся в лексике языка, или, в терминологии В. фон Гумбольдта, к картине "внутреннего бытия" народа, его духа. Ср.: "...язык есть орган внутреннего бытия, даже само это бытие, насколько оно шаг за шагом добывается внутренней ясности и внешнего воплощения" [Гумбольдт 1984: 47]. На этой основе возможны сопоставительные исследования, направленные на выявление универсальных структурных элементов в составе того или иного комплексного глубинного представления, или же уникальных элементов, определяющих своеобразие соответствующих языков. Очевидно, что наиболее яркие различия такого рода будут отмечены на ближайшем к языку уровне. Выход же на более глубокие уровни репрезентации семантического материала будет означать обращение к более общим категориям сознания, и базовый уровень отношений, скорее всего, поставит исследователя перед абсолютно универсальными категориями [Апресян 1993: 7–8]. Было бы интересно выяснить, однако, насколько совпадают общие (т.е. глубинные) категории в языковых сознаниях и языках, не являющихся родственными. Но на этот и на многие другие вопросы, касающиеся глубинной организации смысловых категорий, еще предстоит дать ответы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аверинцев С.С. 1991 – Девять Чинлов Ангельских // Мифы народов мира. Т. 1. М., 1991.
 Апресян Ю.Д. 1993 – Синонимия ментальных предикатов: группа считать // Логический анализ языка. Ментальные действия. М., 1993.
 Вайсгербер Й.Л. 1993 – Родной язык и формирование духа. М., 1993.
 Вейль Г. 1968 – Симметрия. М., 1968.
 Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс. 1984 – Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. I–II. Тбилиси, 1984.
 Гумбольдт В. фон 1984 – Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
 Гумбольдт В. фон 1985 – Язык и философия культуры. М., 1985.
 Дионисий Ареопagit 1991 – Божественные имена // Мистическое богословие. Киев, 1991.

- Дмитронская М.А. 1995 – Проблема человеческого сознания в романе А. Платонова "Чевенгур" // Творчество Андрея Платонова. Исследования и материалы. Библиография. СПб., 1995.
- Ефимова В.С. 1989 – О значениях наречий *вельми*, *много* и *зѣло* в языке старославянских рукописей // *Этимология* 1986–1987. М., 1989.
- Желудев И.С. 1983 – Симметрия и ее приложения. Изд. 2-е. М., 1983.
- Иванов Вяч.Вс. 1978 – Чет и нечет. Асимметрия мозга и знаковых систем. Т. 1. М., 1978.
- Иванов Вяч.Вс. – 1991 – Ближние мифы // Мифы народов мира. М., 1991.
- Кирих А.Е. 1994 – Когнитивные исследования по дискурсу // ВЯ. 1994. № 5.
- Кубрякова Е.С. 1991 – Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи. М., 1991.
- Кубрякова Е.С. 1994а – Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука // ВЯ. 1994. № 4.
- Кубрякова Е.С. 1994б – Парадигмы научного знания в лингвистике и ее современный статус // ИАН СЛЯ. 1994. № 2.
- Кьеркегор С.А. 1990 – Болезнь и смерть // Этическая мысль: научно-публицистические чтения 1990. М., 1990.
- Лакофф Дж. 1991 – Языковые гештальты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 10. М., 1991.
- Лакофф Дж., Джонсон М. 1990 – Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. М., 1990.
- Мельчук И.А. 1974 – Опыт теории лингвистических моделей "Смысл ⇔ Текст". Семантика. Синтаксис. М., 1974.
- Налимов В.В., Дроздина Ж.А. 1995 – Реальность нереального. Вероятностная модель бессознательного. М., 1995.
- Петлева И.П. 1972 – О семантических истоках слов со значением "скупой" в русском языке // *Этимология* 1970. М., 1972.
- Платон 1994 – Избранные трактаты. В 2-х т. Т. 1. М., 1994.
- Порфирий 1979 – Жизнь Пифагора // Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1979.
- Потебня А.А. 1993 – Мысль и язык. Киев, 1993.
- Прока 1993 – Первоосновы теологии. Гимны. М., 1993.
- Руденко Д.И. 1992 – Когнитивная наука, лингвофилософские парадигмы и границы культуры // ВЯ. 1992. № 6.
- Руткевич А.М. 1991 – Жизнь и воззрения К.Г. Юнга // К.Г. Юнг. Архетип и символ. М., 1991.
- Степанов Ю.С. 1991 – Некоторые соображения о протупающих контурах новой парадигмы // Лингвистика: взаимодействие концепций и парадигм. Вып. 1. Ч. 1. Харьков, 1991.
- Степанов Ю.С., Проскуряков С.Г. 1993 – Константы мировой культуры. Алфавиты и алфавитные тексты в периоды двоеверия. М., 1993.
- Топоров В.Н. 1980 – О числовых моделях и архаичных текстах // Структура текста. М., 1980.
- Топоров В.Н. 1989 – Из славянской языческой терминологии: индоевропейские истоки и тенденции развития // *Этимология* 1986–1987. М., 1989.
- Топоров В.Н. 1992а – Модель мира // Мифы народов мира. Т. 2. М., 1992.
- Топоров В.Н. 1992б – Числа // Мифы народов мира. Т. 2. М., 1992.
- Френкель А., Бар-Хиллел И. 1966 – Основания теории множеств. М., 1966.
- Юнг К.Г. 1991 – Архетип и символ. М., 1991.